

Геологи – разрушители или спасители Югры?

ОСВОЕНИЕ нефтяных и газовых месторождений наносит вред природе. Однако не все знают, что если бы нефть не нашли, Приобье ожидала бы другая, более серьёзная катастрофа. Ещё в начале пятидесятых Гидропроект разрабатывал план строительства каскада гидроэлектростанций в Среднем Приобье и Нижнеобской ГЭС высотой 42 метра, которая должна была перегородить Обь в нижнем течении. Проектировщики планировали поднять уровень воды примерно на 30 метров. Что было бы с экологией нашего края, и вообще, что осталось бы от Югры, если бы планы гидростроителей осуществились?

Честь и слава геологам, сумевшим своевременно доказать, что Западно-Сибирская низменность – это богатейшая кладовая полезных ископаемых! Фонтаны на Шаимском, Мегионском, Усть-Балыкском, Западно-Сургутском месторождениях 1960-61 годов спасли огромную территорию от затопления. Однако лишь в 1967 году в Госплане СССР отказались от планов строительства гидроэлектростанций на Оби и решили возводить Сургутскую ГРЭС, работающую на газе.

В Сибирь – не по доброй воле

Знакомясь с биографиями первых геологов, отмечаешь, как много среди них людей со сложными, трагичными судьбами. Бывшие ссыльные и бывшие фронтовики, коммунисты и староверы; идеалистов-романтиков было меньше, больше тех, что пришли в нефтеразведку за высоким заработком. Но работать самоотверженно умели все. Русские, азербайджанцы, татары, башкиры, украинцы, немцы, австрийцы... и француз Эрвье, руководивший всей тюменской геологией.

История семьи Геничевых, втянутых в водоворот событий, на этом фоне кажется типичной. Жили в Бессарабии, а когда туда пришла в 1940 г. советская власть, были сосланы в Сибирь. Николай Васильевич считает, что родителей сослали ни за что:

– Председателем Сельсовета поставили самого бедного, голытьбу то есть. Ему понравилась отцовская бричка. Написал поклёп: мол, неблагонадёжный элемент. Нас – в Сибирь, а бричку – себе. На других написал донос, чтоб самовар взять.

В 1964-м мы с мамой ездили на родину, увидели, что этот человек живёт на окраине села, в землянке. Не впрямь ему чужое добро пошло. Народ не "пинал" его, но и не общался.

Родителей с моими старшими братом и сестрой увезли сначала на Дальний Восток, потом завернули, повезли в Томск.

Пасол, Баграс – первые скважины

Николай родился в 1948 году, а в 1950-м отец умер. В 1956 году ссыльным разрешили выехать, но мать не захотела возвращаться на родину. Неподальку от села, где они жили, появились нефтеразведчики, и она устроилась на работу к ним – была и хлебопекарем, и разнорабочим. Вместе с экспедицией в составе буровой бригады Норкина она переехала в Ларьякский район, обосновалась на Пасоле.

Николай Васильевич вспоминает:

– Разгрузились на высоком, красивом берегу, возле села, где до 1956 года тоже было много ссыльных. Зашли в дома, откуда они выехали. Там даже шторы на окнах висели. Дядя Гриша (Норкин) был для нас всем. Женщины на него почти молились: не дай Бог, мужа уберёт с бригады! А для мальчишек он был царь и Бог, все хотели к нему в бригаду попасть дизелистом или помбуром.

Бригада Г.И. Норкина в 1959 году одновременно готовилась к бурению двух

скважин: на Баграсе и на Пасоле, нефть была найдена на Мегионской Р-1.

Как забил первый нефтяной фонтан на Баграсе, Николай Геничев не видел, зато помнит другое. Фарман Салманов, побывав на Мегионской Р-1, приехал в Нижневартовск. В тот день была свадьба у дизелиста Петрова. Салманов привёз первую нефть, и её в честь молодожёнов вылили на улице в немудрёный таз и подожгли. И не было дорожки подарка, большей радости, чем увидеть результат своих трудов: нефть искали давно, а увидели впервые. Уже став буровым мастером, Геничев понял, сколь сложно было бурить на тех растворах, при той технике.

– У нас всё на дедушке Норкине держалось, если б не его воля, чутьё, могли бы и на Баграсе нефть не получить, – считает он.

От лаборанта до лучшего бурового мастера

Геничев тоже является первооткрывателем, именно его бригада бурила первую скважину на Нивагальском месторождении. И он причастен к открытию и разведке всех месторождений, где работали мегионские геологи после 1965 года, а на Самотлорском ему даже пришлось парафинировать самый первый керн.

В 1965 г. он устроился работать к Норкину, поначалу лаборантом-коллектором: ему не было 18 лет, и на другие работы допуск получить не мог.

– Моей обязанностью была подготовка растворов, а работу выполнял всякую: то насосом перекачать нефть с трактора, то перенести что-то, – говорит Геничев. – Я даже первые образцы нефтяного керна на Самотлорской скважине отбирал! Вообще-то это входило в обязанность техника-геолога Тамары Симоновой, которая была к бригаде прикреплена. А погода была нелётная, она не смогла из Мегиона выехать, вот я её и заменял. Мне по рации главный инженер Сениюткин объяснял, что в какой последовательности делать, да я и сам уже наблюдал, как работал техник-геолог на Покуре. Керн нужно обмотать марлей, табличку прикрепить с надписью, когда и с какого интервала он получен, и в горячий парафин опустить, чтобы нефтяные пары и газы не улетучились. Отбирал потом керны на многих месторождениях, а такой насыщенности нефтью больше не встречал.

И ещё я гордился тем, что считался другом Норкина. Работа идёт, все заняты, с кем

поболтать можно? Только со мной. Когда дяде Грише нечего делать, он зовёт: "Колька, иди сюда, в карты сыграем!"

Григорий Иванович был высокий, могучий, красивый по-мужски: настоящий медведь. Его дочь моей ровесницей была, на моих глазах утонула, рядом ещё дети Сухушина купались. Валя плавать не умела, плескалась в воде, держась за лодку, а увидела, что по берегу её мать идёт, и дернулась. Мать запрещала ей в воду заходить, она от нее спрятаться, наверное, хотела... И лодка ведь почти рядом с берегом была, а смогли найти только через три дня. Помню, как Норкин, словно зверь, ревел...

Достигнув совершеннолетия, Николай Геничев исполнил свою мечту – стал дизелистом. Работал у разных мастеров, а с 1981 года и сам стал буровым мастером. Бригада досталась такая, что никто не завидовал. Это были так называемые "лётные" – вахтовики из Львова и Киева. Считалось, что дисциплину среди них поддерживать невозможно, к тому же и опыта работы в бурении ни у кого не было – у многих "корочки" помбуров или бурильщиков были купленные. Но Геничев повёл дело так, что через год уже бригада стала лидером в соцсоревновании, а в 1984 году вошла в тройку лучших бригад по всей "Главтюменьгеологии". Он старался подражать Г.И. Норкину – быть требовательным к рабочим, но перед руководством экспедиции отстаивать их интересы, потому и смог добиться уважения в бригаде.

Сейчас Николай Васильевич – на пенсии. И о чём он теперь размышляет?

– Сегодня молодёжи внушают, что в советское время очень плохо жилось, мол, угнетённые все были. А какие угнетённые?! Мы – тридцати-сорокалетние мужики – на работу ходили с песнями. Трезвые! Представляете?! После работы соберёмся в вагончике, гармошечку ребята развернут – как было здорово! Интересно было работать: каждый раз новые места, новые площади. В девяностые годы много было разрушено. Сейчас вижу: жизнь в нашем городе налаживается. Нашего нового мэра можно за многое похвалить. Дай Бог, чтобы и по всей стране было также!

Елена ХРАПОВА